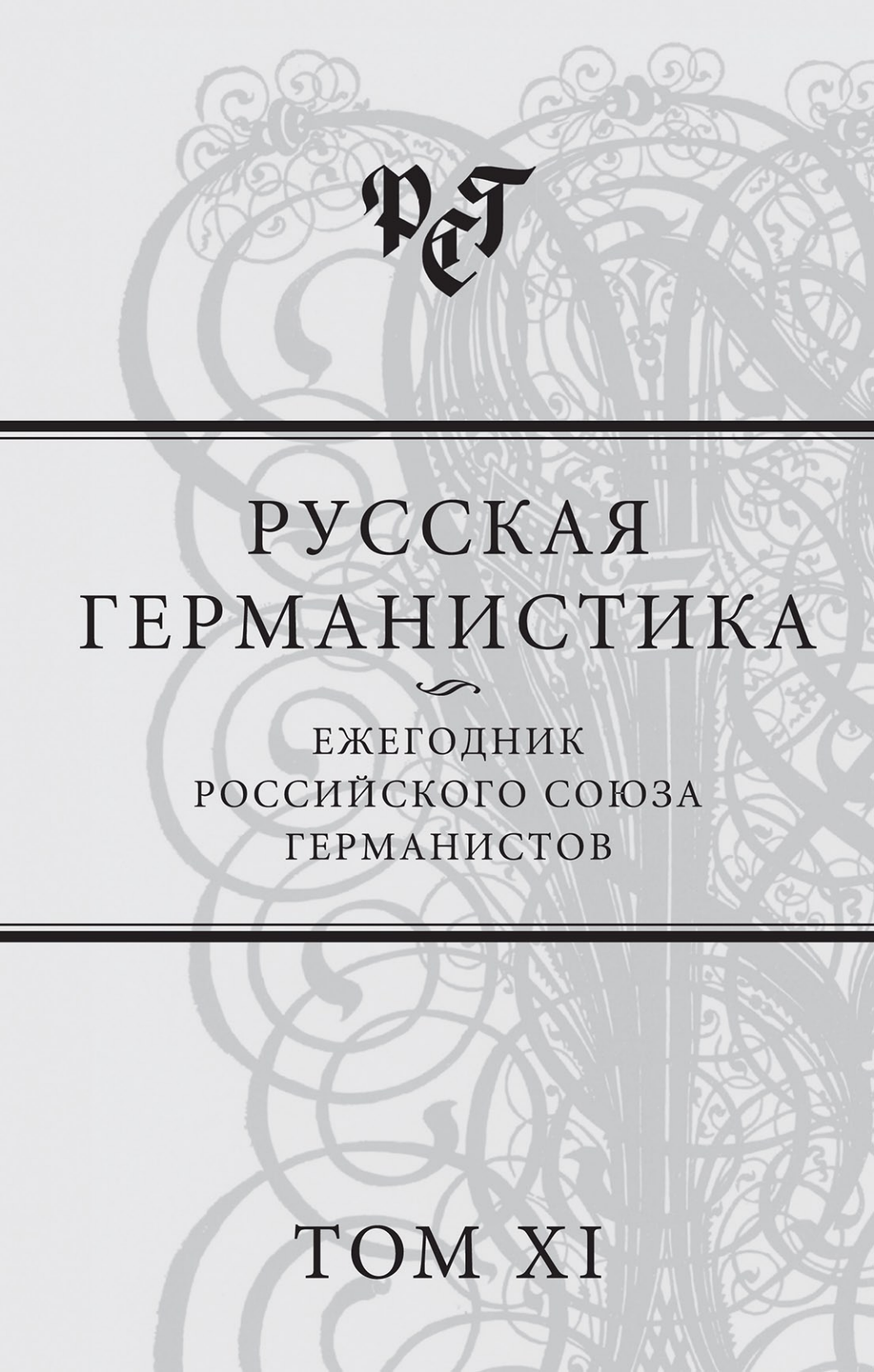

РСТ

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XI

УДК 821.112.2.0

ББК 80

Р 88

Р е д к о л л е г и я:

Н. С. Бабенко (отв. редактор), *Д. Кемпер*,
Л. Ф. Нефедова, *О. А. Радченко*, *Н. Н. Трошина*

Р е ц е н з е н т ы:

д. ф. н. *А. М. Кузнецов* (Институт научной информации
по общественным наукам РАН)
к. ф. н. *Н. И. Рахманова* (Московский государственный
институт лингвистики)

Р 88

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. — М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-9551-0739-4

В настоящий ежегодник включены тексты докладов одиннадцатой конференции Российского союза германистов «Языковая системность и дискурсивные практики», на которой были представлены преимущественно исследования отечественных и зарубежных специалистов в области лингвистической германистики. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают проблематику, связанную с таким универсальным свойством языка, как системность, которая реализуется в разнообразных дискурсах. Материалы сборника дают представление о современных подходах к изучению проблем взаимодействия.

ББК 80

ISBN 978-5-9551-0739-4

© Авторы, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

ISBN 978-5-9551-0739-4

9 785955 107394 >

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
<i>А. В. Кирилина.</i> Немецкий язык и дискурс глобализации	11
<i>О. А. Кострова.</i> Синтаксическая системность и некоторые инновативные тенденции в дискурсивных практиках	23
<i>Р. И. Бабаева, И. В. Кокурина.</i> Влияние дискурсивных факторов на семантику и функции немецких местоимений	35
<i>Н. Куфе.</i> Partieller Kontextualismus: Zur Logik und rhetorisch-diskursiven Funktionalität koordinierender Konjunktionen im Deutschen und Russischen	44
<i>А. И. Гришаева.</i> Когнитивные фильтры и способы конструирования аксиологического фона языковыми средствами	61
<i>А. В. Кузнецов.</i> Методология изучения немецкого обиходного дискурса с помощью интернет-коммуникации	81
<i>Ж. В. Никонова.</i> Роль дискурсивных факторов в формировании функционально-прагматического потенциала речевого акта	89
<i>Е. В. Акулова.</i> Функционирование дискурсивных маркеров в различных ситуациях общения	99
<i>Р. С. Аликаев.</i> Критика языка в Германии эпохи раннего Просвещения	107
<i>А. В. Иванов.</i> Современный научный дискурс и развитие метаязыка немецкой лингвистики	116
<i>S. Katajewa.</i> Probleme einer metalinguistischen Beschreibung des fachterminologischen Instrumentariums	128
<i>Н. В. Герасименко.</i> Анализ дискурсивных практик конституционного права Германии, Австрии и Швейцарии с позиции национальной вариативности немецкого языка	137
<i>М. А. Кулькова.</i> Опыт фреймового анализа единиц паремиологического дискурса (на материале немецких народных примет)	146
<i>Т. В. Гречушникова.</i> Поэтическая языковая игра в оппозиционных дискурсах ФРГ и ГДР	157
<i>Е. Н. Шевченко.</i> Эстетические эксперименты в драматургии Роланда Шиммельпфеннига	171
<i>I. Perevyschina.</i> Das Phänomen des autobiographischen Diskurses von T. Bernhard	180
<i>А. М. Ньюбина.</i> Мемуарный текст как «культурогенный» феномен	190
<i>С. И. Дубинин.</i> Нижненемецкий как язык-посредник	203
<i>Б. А. Дюбо.</i> Роль дихотомий в филиппо-рамистском гибриде немецкой грамматикографии	218
<i>М. Б. Чиков.</i> Валентность и дистрибуция немецкого глагола в языке и в речи	230
<i>Д. О. Добровольский, Е. Б. Кротова, И. С. Парина.</i> Корпусная лексикография (материалы мастер-класса)	237
<i>Т. В. Гречушникова.</i> Опыт общепилологического анализа поэтического текста: «Черная кошка» Р. М. Рильке (материалы круглого стола)	279
<i>Е. В. Соколова.</i> Художественный перевод и «метод последовательных приближений»: «Черная кошка» Р. М. Рильке (материалы круглого стола)	283

Рецензии

- Н. Н. Трошина.* Рец. на: Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты = Subject of cognition and communication: Linguistic and crosscultural perspectives: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Л. В. Цурикова, Л. Ю. Щипицина. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — 619 с. 293
- Н. С. Бабенко.* Рец. на: *Д. О. Добровольский.* Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. — 743 с. — (Studia Philologica). 295
- С. И. Дубинин.* Рец. на: *Viktor M. Schirmunski.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Hrsg. und kommentiert von L. Naiditsch. Unter Mitarbeit von P. Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von W. Fleischer. Frankfurt/M.; Berlin: Peter Lang, 2010. — 832 s. 305
- А. В. Кузнецов.* Рец. на: Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь справочник / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. и сост. М. Б. Паренко. М., 2013. — 258 с. 311
- О. И. Таюпова.* Рец. на: *Л. И. Гришаева.* Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов: Учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2013. — 400 с. 314

STALINA KATAJEWÄ

(Lipetsker Staatliche Pädagogische Universität)

**PROBLEME EINER METALINGUISTISCHEN
BESCHREIBUNG DES FACHTERMINOLOGISCHEN
INSTRUMENTARIUMS**

„Die Sprache der Politik ist eine Sprache der Begriffe“
[Bergsdorf 1983: 46]

Die linguistische Beschäftigung mit der politischen Kommunikation wird vor allem im deutschsprachigen Raum intensiv vorangetrieben. Das führte in den 90-er Jahren des 20. Jahrhunderts zur Konstituierung der Politolinguistik, einer germanistischen Linguistik der politischen Sprache, einer „Teildisziplin im Grenzgebiet zwischen Linguistik und Politologie“, die innerhalb der Sprachwissenschaft als ein Teil der Angewandten Linguistik angesehen wird [Burkhardt 1996: 82]. Bei der Entstehung einer neuen Disziplin muss auch ein neues Terminologiesystem geschaffen werden, denn, so Burkhardt, „wenn sich eine neue Disziplin zu etablieren sucht, muss sie sich zunächst eine eigene Spezialterminologie erarbeiten und eigene Beschreibungsmethoden entwickeln“ [Burkhardt 2001: 3].

Dieses Problem ist bis jetzt noch nicht gelöst. Die metasprachliche Analyse der vorhandenen politolinguistischen Publikationen hat gezeigt, dass in diesem Forschungsbereich, wie Burkhardt feststellt, „je nach Gusto und Bedarf terminologische Anleihen bei sehr unterschiedlichen Disziplinen, Theoriekonzepten, Autoren und Autoritäten gemacht werden“ [Burkhardt 1996: 86]. Die Wissenschaftler, die in diesem Bereich tätig sind, bezeichnen und deuten gleiche oder ähnliche Sachverhalte ganz oder zum Teil unterschiedlich. Selbst der zentrale Begriff der politischen Kommunikation, das „Schlagwort“, hat verschiedene Benennungen und Deutungen.

Politische Auseinandersetzungen von den Parteien werden mit sprachlichen Mitteln ausgefochten, sie werden auf der Grundlage zentraler Wörter, der Schlagwörter oder „der ganzen semantisch umkämpften Schlagwortfelder“ [Klein 1989: 31] ausgetragen. Sie gehören zumeist ideologiesprachlichen Zeichensystemen an und dienen zur plakativen, einprägsamen Bezeichnung und politischen Bewertung. Die Schlagwörter ihrerseits gliedern sich in Hochwert-, Unwert-, Fahnen-, Stigma-, Zeit-

geist-, Programm- und Gegen-Schlagwörter, die in bestimmten historischen Zeitabschnitten dominieren und im politischen „Streit um Wörter“ immer im Mittelpunkt stehen. Aus diesen Begriffen, die Schlagwortstatus beanspruchen, ist nur der zentrale Begriff „Schlagwort“ im Lexikon der Sprachwissenschaft von H. Bußmann verzeichnet, der aber auch keine feste Definition hat. Im Zeitabstand von einem Jahrzehnt weist es gewisse Differenzen in seiner Definition auf. Bei einem Vergleich der Definitionen der 2. und der 3. Auflage (Jahrgänge 1990 / 2002) fällt auf, dass selbst dieser, erstmals 1906 in Ladendorffs „Historisches Schlagwörterbuch“ vorkommende und seitdem bekannte Begriff im Lexikon der Sprachwissenschaft unterschiedlich definiert wird:

„Häufig gebrauchtes Wort, das einen komplexen Sachverhalt griffig benennt, interpretiert und bewertet. Als Losungswort bestimmter gesellschaftlicher Gruppen hat das Schlagwort solidarisierende und persuasiv-agitatorische Funktion und ist demgemäß häufig Gegenstand öffentlicher Kontroversen: *Ausbeutung, Bildungskatastrophe, Chancengleichheit, Lebensqualität, Sympathisant*. Das Schlagwort läßt sich als kondensierte, sprachlich fixierte Form eines Topos auffassen“ [Bußmann 1990: 666].

„Häufig gebrauchtes, den öffentlichen Diskurs prägendes Wort, das einen komplexen Sachverhalt griffig benennt, interpretiert und bewertet. Als Programmwort für ein aktuelles gesellschaftliches Thema hat das Schlagwort solidarisierende und appellative Funktion, z.B. *Chancengleichheit, Lebensqualität, Waldsterben, Globalisierung*“. Auf Grund seiner stabilen Konnotation kann es als verkürztes Argument (Topos) in öffentlichen Kontroversen gebraucht werden. Mit Schlagwort verwandt ist die Bezeichnung „Schlüsselwort“ für *emotional stimulierende und damit argumentationssteuernde Wörter der Werbesprache (Freiheit, gesund, sozial)*“. Vgl. Slogan. [Bußmann 2002: 584].

Aus den angeführten Definitionen kann man ablesen, dass in der früheren Ausgabe das „Schlagwort“ durch das „Losungswort“ erklärt wird, in der späteren Ausgabe wird es als „Programmwort“ definiert; des Weiteren wird verständlicherweise auf seine Verwandschaft mit dem Schlüsselwort hingewiesen und sein diskursiver, argumentativer Charakter durch den Zusatz „*als den öffentlichen Diskurs prägendes Wort*“ betont. Als emotional stimulierende und argumentationssteuernde Wörter werden sie auch mit Slogan der Werbesprache verglichen. Auch bei der Bestimmung der Funktionen des Schlagwortes treten in der 3., erweiterten Auflage andere Charakteristika hervor: an die Stelle der „persuasiv-agitatorischen“ Funktion tritt die „appellative“ Funktion. Diese Änderungen der Bestimmung des Schlagwortes in einem relativ kurzen Zeitraum lassen erkennen, dass der Entwicklungsprozess des begrifflichen Systems der

Politolinguistik, der „Begriffe von Begriffen“¹ der politischen Semantik, bis jetzt noch nicht abgeschlossen ist.

Davon zeugen auch unterschiedliche Definitionen dieses Begriffes in den Arbeiten deutscher Politolinguisten, die die einen oder die anderen Merkmale des Schlagwortes unterstreichen: „In den Schlagwörtern werden Programme kondensiert“ [Dieckmann 1975: 103]; „Die Schlagwörter fungieren als parteipolitische Schibboleths, die politische Programme in ein Wort, in eine griffige Formel fassen. Sie erscheinen dort, wo sie simplizieren und mobilisieren“ [Bachem 1979: 63]; „Schlagwörter sind dort, wo es um Formulierung zentraler politischer Begriffe geht“ [Klaus 1971: 148]; „Schlagwörter sind Verdichtungssymbole“ [Bergsdorf 1983: 11]; „Ein Oberbegriff für politisch wichtige Ausdrücke. Ähnlich verwendet werden: *Leitvokabel* und *Schlüsselwort*“ [Wengeler 2003: 49]; „Schlagwörter sind Kernwörter politischer Äußerungen“ [Burkhardt 2003: 15]. H. Girnth grenzt das Schlagwort vom Symbolwort ab, bestimmt es „als auffälligste sprachliche Erscheinung in der öffentlich-politischen Kommunikation“ und engt diesen Begriff ein, indem er das Schlagwort „auf Grund seiner Abhängigkeit von der Aktualität, seiner appellativen und treffsicheren Wirkung“ mit Wahllogan vergleicht [vgl. Girnth 2002: 52–53]. Für F. Hermanns sind Schlagwörter durch die persuasive und propagandistische Absicht gekennzeichnet, die ihrem Gebrauch zugrunde liegt [vgl. Hermanns 1994: 12]. Diese Aufzählung unterschiedlicher Beschreibungen könnte man auch bei den anderen Begriffen aus dem Schlagwortfeld (*Hochwert-*, *Unwert-*, *Fahnen-*, *Stigma-*, *Zeitgeist-*, *Programm-wörter*) fortsetzen, die in wissenschaftlichen Arbeiten anzutreffen sind, aber ebenfalls noch in kein Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini Eingang gefunden haben. Darum ist es für die Erforscher der politischen Sprache kompliziert, sich in der Vielfalt von existierenden Schlagwortarten und ihrer Definitionen auszukennen. Obwohl es einige Vorschläge gibt, diese politolinguistischen Phänomene näher zu bestimmen, sie terminologisch zu erfassen und voneinander abzugrenzen, bleibt der Begriff „Schlagwort“ „eine in sich heterogene Kategorie, die der Subklassifikation dringend bedarf“ [Burkhardt 2003: 12]. Es gibt bis heute kein vollständig ausgearbeitetes begriffliches System der Politolinguistik.

Die Erforschung der deutschen Sprache in der Politik wird wesentlich noch dadurch erschwert, dass die meisten Begriffe der Politolinguistik, wie bereits erwähnt, noch in keinem deutschen oder russischen Lexikon der Sprachwissenschaft registriert sind. Die vorhandenen deutschen Lexika der Sprachwissenschaft [Bußmann 1990 / 2002] enthalten nur ein Paar Begriffe (darunter *Schlagwort*), ähnlich verhält es sich mit analogen russischen Lexika [vgl. Ахманова 2004; Баранов, Добровольский 2006].

Es mangelt an Kenntnissen vom Fachvokabular dieses neuen Forschungsbereiches, um mit den politolinguistischen Termini souverän umgehen und sie adäquat verwenden zu können. Das bereitet all denen

¹ Terminus von F. Hermanns [1994: 3].

Schwierigkeiten, die sich mit Problemen der Politolinguistik befassen, in besonderem Maße aber den Auslandsgermanisten, die versuchen, mit Schlüsselwörtern des öffentlichen Sprachgebrauchs ideologische Positionen und Begriffssysteme zu rekonstruieren und politisch-semantiche Wandlungsprozesse in der deutschen Sprache zu beschreiben. Oft führen mangelnde Kenntnisse der Fachterminologie zum falschen Gebrauch von Fachbegriffen oder zu Fehlinterpretationen. Darum gibt es gerade auf dem Gebiet der Politolinguistik für angehende sowie für fortgeschrittene russische Auslandsgermanisten einen erheblichen Nachholbedarf. Besonders deutlich treten diese Probleme im Bereich der Fachterminologie dieser neuen Teildisziplin der angewandten Linguistik auf. In der letzten Zeit gab es einzelne Versuche in der Inlandsgermanistik [vgl. Burkhardt 2003; Wengeler 2003] wie auch in der Auslandsgermanistik [vgl. Katajewa 2002], die Fachterminologie der Politolinguistik einigermaßen zu vereinheitlichen, den besonderen Gegebenheiten des eigenen Forschungsgegenstandes anzupassen und an einem sachangemessenen und handhabbaren terminologischen Inventar zu arbeiten. An dieser Stelle sei der Artikel des deutschen Politolinguisten M. Wengeler „Sprache in der Demokratie“ erwähnt, in dem er 2003 unter der Rubrik „Fachterminologisches Instrumentarium“ die ersten 12 politolinguistischen Termini, solche wie *Schlagwort*, *Bezeichnungskonkurrenz*, *Bedeutungskonkurrenz*, *Fahnenwort*, *Stigmawort*, *Programmvolkabel*, *semantischer Kampf*, *deontische Bedeutung* u. a. ausgesondert und erläutert hat. Er nennt sie „Beschreibungstermini“ und schlägt vor, sie „aus der umfangreichen Literatur über öffentliche und politische Sprache“ in den deutschen Schulunterricht (in den Oberstufenklassen) einzuführen. Wengeler unterstreicht die Wichtigkeit der Vermittlung eines terminologischen Instrumentariums, das für die Schüler Systematik bedeutet [Wengeler 2003: 39–50]. Dieses für schulische Lernzwecke geschaffene terminologische Begriffsregister wäre für universitäre Zwecke der Auslandsgermanistik, für die vollständige Beschreibung der deutschen politischen Sprache nicht ausreichend. Daraus ergab sich die Notwendigkeit der Schaffung eines entsprechenden zweisprachigen Nachschlagewerkes für die russischen Germanistikstudenten. Es geht um eine einigermaßen Kanonisierung der Begriffe des Forschungsbereiches „Sprache in der Politik“, um ihre Systematisierung, Beschreibung und Übersetzung, was den künftigen Benutzern den permanenten Zwang zu ermüdenden Begriffserklärungen ersparen helfen würde. Es versteht sich als zusätzliche Arbeitshilfe beim Germanistikstudium, als Werkzeug bei der Lektüre der einschlägigen Literatur, indem die Fremdsprachler fremde Begriffe identifizieren, verstehen, interpretieren und sie adäquat gebrauchen können.

Als erster Schritt in dieser Richtung wurde 2002 versuchsweise ein kurzes Begriffsverzeichnis zum Wahlkurs „Politolinguistik“ zusammengestellt, das eine katalogartige Übersicht über bestehende Definitionen von 32 Grundbegriffen aus aktuellen Publikationen deutscher Wissenschaftler dieses Forschungsbereiches für die russischen Germanistikstudenten

gab [Katajewa 2002: 12—24]. Das war ein Versuch, den Studenten auf dem Gebiet der deutschen Politolinguistik eine erste Orientierungshilfe zu leisten. Mit der Zeit stellte es sich aber heraus, dass es für die moderne Diskursanalyse, für die Analyse von Wörtern mit „politischer Semantik“ nicht ausreichend war. Darum wurde als nächster Schritt ein Begriffskatalog zusammengestellt, der mehr als 100 Begriffe dieser neuen Disziplin enthielt und die Basis für ein zweisprachiges Wörterbuch bildete. Dieses wurde im Jahre 2008 als „Kurzes deutsch-russisches Wörterbuch politolinguistischer Begriffe“ erarbeitet, das im Allgemeinen den oben genannten aktuellen Nachholbedarf und die neu entstandenen Informationsbedürfnisse der russischen Germanisten wie auch Russisten auf diesem Gebiet befriedigen und im Einzelnen das bestehende Defizit an politolinguistischen metasprachlichen Grundkenntnissen wenigstens teilweise abbauen konnte.

Thematisch gesehen, macht dieses Wörterbuch mit den folgenden Begriffen der Politolinguistik bekannt:

- mit lexisch-semantischen Strategien der politischen Kommunikation, solchen wie *Begriffe besetzen*, *Bedeutungskonkurrenz*, *Bezeichnungskonkurrenz*, die im *Kampf (Streit) um Wörter* verwendet werden;
- mit verschiedenen Arten der Ideologiegebundenheit: *ideologische Polysemie*, *Synonymie* und *Wertung*;
- mit Kernbegriffen des politischen Wortschatzes, mit „politikeigenen Sprachformen“, die verschiedene Arten der Schlüsselbegriffe der politischen Kommunikation darstellen *Schlagwörter*, *Fahnenwörter*, *Stigmawörter*, *Hochwertwörter*, *Unwertwörter*, *Zeitgeistwörter*, *Programmwörter* u.a.;
- mit der Struktur des politischen Wortschatzes *Institutionsvokabular*, *Ressortvokabular*, *Ideologievokabular* u. a.

Das Wörterbuch ermöglicht somit, eine Einsicht in das begriffliche System der deutschen Politolinguistik zu nehmen. Mit diesem Wörterbuch wurde der erste Versuch unternommen, mit dem fachterminologischen Instrumentarium dieser jungen Disziplin der Angewandten Linguistik bekannt zu machen.

Da die meisten Begriffe aus diesem Forschungsbereich für russische Sprachforscher unbekannt sind, werden sie auf Russisch ausführlich erläutert, gedeutet und eingehend interpretiert, z.B. **das Institutionsvokabular**: институциональный вокабуляр — структурный разряд политического лексикона; состоит из наименований государственных институтов (*Bundestag*, *Bundesrat*), форм правления (*parlamentarische Demokratie*), кодифицированных политико-институциональных норм (*Verfassung*, *Grundgesetz*), должностных ролей (*Bundeskanzler*, *Staatssekretär*), формальных политических процедур (*Abstimmung*, *konstruktives Misstrauensvotum*, *Wahl*) и т. д.; см. [Dieckmann 1975; Klein 1989; 2005].

Dabei wird im Wörterbuch auf die Erhaltung der Authentizität der Begriffe großen Wert gelegt, indem politolinguistische Begriffe folgender Weise übertragen und präsentiert werden:

a) die meisten Begriffe werden in die russische Sprache durch eine „Glied-für-Glied-Übersetzung“ (Lehnübersetzung) übertragen:

brisante Wörter: бризантные слова — идеологически релевантные актуальные общественно-политические понятия (спорные понятия); см. *Schlagwort; Ideologievokabular; kontroverse Begriffe* [Strauß, Haas, Hargas 1989]; [Stötzel, Wengeler 1995];

die Institutionssprache: институциональный язык — широкое понятие для обозначения институционального вокабуляра в первичной трактовке В. Дикманна; позднее [2005] он обозначает его как «институциональнальный вокабуляр» [Dieckmann 1975, 2005];

b) manche Begriffe werden transliteriert mit nachfolgender Erläuterung:

die Anti-Miranda: анти-миранда — символы идеологического противника; термин В. Дикманна, который, опираясь на теорию Г. Лассуэлла «пропаганды как управления значимыми символами», делит «слова-символы» на основе их оценочных и семантических признаков на «миранда» и «антимиранда»; «анти-миранда» как «слово-символ» содержит негативную оценочность и обозначает презрение и нежелательность каких-либо политических явлений конкурирующей идеологии: *Das Negativbild der Miranda in einer Ideologie sind die Anti-Miranda, die das Bekämpfte, Verachtete, nicht Wünschenswerte bezeichnen, das von der konkurrierenden Utopie (Ideologie) vertreten wird* [Dieckmann 1975: 49];

c) sie werden in der russischen Sprache gedeutet, beschrieben und mit authentischen Beispielen versehen:

das Zeitgeistwort: слово-лозунг, концептуально выражающее «дух времени», (положительно или нейтрально), соотносящееся с определенным отрезком времени современной истории Германии; надпартийные слова-лозунги представляют актуальную тему современного политического дискурса: *Wirtschaftswunder* (50er Jahre), *Mauerbau* (1961), *Mauerfall* (1989); *Wiedervereinigung* (1990);

d) sie werden mit Beispielen ihrer Definition auch aus konkreten wissenschaftlichen Publikationen deutscher Politolinguisten belegt:

das Fahnenwort: слово-знамя (термин Ф. Херманнса) является опознавательным знаком партий, объединяющим в политической борьбе и сигнализирующим об определенной групповой идентичности; это слово-лозунг с позитивным оценочным потенциалом с точки зрения определенной партии: *Mitbestimmung, Lebensqualität*; одно и то же понятие, выступающее ведущим символом, «знаменем» одной партии (или идеологии) *Diktatur des Proletariats / freie Marktwirtschaft*, является одновременно негативно оценочным словом (*Stigmawort*), «стигмой» идеологического противника, что позволяет любую политическую полемику описать как взаимную смену «слов-знамен» и «слов-стигм»: *Häufig ist die politische Diskussion als ein Wechselspiel von Fahnen- und Stigmawort zu beschreiben: Was den einen 1990 als 'Beitritt' (nach Art. 23 GG) erschien, wurde von den anderen als (letztlich grundgesetzwidriger)*

‘Anschluss’ denunziert [Burkhardt 2003: 12]. см. также Hermanns [1989]; Burkhardt [2001, 2003];

e) sie enthalten Erläuterungen mit einem obligatorischen Hinweis auf die Autoren von denen dieser oder jener Begriff stammt oder üblich gebraucht wird:

Begriffe besetzen: «захват понятий» — термин, введенный К. Биденкоффом (1973), генеральным секретарем ХДС, характеризующий новую лексико-семантическую стратегию политической коммуникации; впервые эта стратегия была осуществлена СДПГ, которая в период предвыборной кампании «захватила» понятия конкурирующей партии (ХДС), что привело ее к победе через «языковую революцию»; «захват понятий» как понятная метафорическая формулировка новой стратегии политической коммуникации прочно вошла в арсенал основных понятий политического языка, соотносящихся с «семантической борьбой»: *Nehmen wir endlich den Kampf um die Begriffe auf! Machen wir die Kombination von „Innovation“ und „sozialer Gerechtigkeit“ zu unseren Markenzeichen!* (W. Thierse 1997); *Lassen wir uns doch die Begriffe nicht klauen* (O. Lafontaine 1997) [Biedenkopf 1982; Liedtke, Wengeler, Böke 1991; Klein 1991].

f) in bestimmten Fällen wird im Wörterbuchartikel auch auf vorhandene Synonyme hingewiesen:

ideologische Polysemie: идеологическая полисемия (термин В. Дикманна) является одной из форм проявления семасиологически выраженной идеологической релевантности; проявляется при одинаковом обозначении в идеологически обусловленной разнице значений понятий: *Demokratie, Freiheit, Gleichheit u. ä.: „Es geht um die Wörter, die verschiedenen Ideologien gemeinsam sind und deren verschiedene Sinnbedeutungen nebeneinander in einer Sprache auftauchen“* [Dieckmann 1975: 71]; см. Bedeutungsspezifik Bedeutungskonkurrenz, semantische Varianz.

SCHLUSSBEMERKUNG

Diese deutsch-russische Übersicht der Begrifflichkeit des Problembezugs „Sprache in der Politik“ beansprucht keine endgültige Vollständigkeit. Das Wörterbuch kann sich auch als ergänzungsbedürftig erweisen und jederzeit erweitert werden. Die Schaffung eines solchen zweisprachigen Wörterbuches stellt eine bestimmte Etappe in der „Sprache-in-der-Politik-Forschung“ auf dem russischen Boden dar. Damit wird versucht, das bestehende Problem aus der Sicht einer Auslandsgermanistin nicht nur anzudeuten, und das „Dickicht“ konkurrierender Benennungen der politolinguistischen Begriffe zu zeigen, sondern auch durch die Übersetzung dieser Begriffe ins Russische und ihre zugängliche Deutung in gewissem Maße zu überwinden.

Literatur

- Ахманова 2004 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 2004.
- Баранов, Добровольский 2006 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов. М., 2006.
- Bachem 1979 — *Bachem R.* Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979.
- Bergsdorf 1983 — *Bergsdorf W.* Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. Pfullingen, 1983.
- Biedenkopf 1982 — *Biedenkopf K. H.* Politik und Sprache // Holzfeuer im hölzernen Ofen. Aufsätze zur politischen Sprachkritik / H. J. Heringer (Hrsg.). Tübingen, 1982. S. 189—197.
- Burkhardt 1996 — *Burkhardt A.* Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.). Berlin; New York, 1996. S. 75—100.
- Burkhardt 2001 — *Burkhardt A.* Politische Sprache. Grundbegriffe und Analysenmethoden // Herausgegeben von der Gesellschaft für Germanistik der Kansai-Universität-Osaka. Osaka, 2001. S. 1—32.
- Burkhardt 2003 — *Burkhardt A.* Vom Schlagwort über die Tropen zum Sprechakt. Begriffe und Methoden der Analyse politischer Sprache // Der Deutschunterricht. № 2 (2003). S. 10—23.
- Bußmann 1990 — *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. 2. völlig neu bearbeitete Auflage. Stuttgart, 1990.
- Bußmann 2002 — *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. 3. aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 2002.
- Dieckmann 1975 — *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. Heidelberg, 1975.
- Dieckmann 2005 — *Dieckmann W.* Deutsch: politisch — politische Sprache im Gefüge des Deutschen // Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat. Duden Bd 6 / J. Kilian (Hrsg.). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2005. S. 11—30.
- Girnth 2002 — *Girnth H.* Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. Tübingen, 2002.
- Hermanns 1994 — *Hermanns F.* Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen (politischen Semantik). Heidelberg; Mannheim, 1994.

- Katajewa 2002 — *Katajewa S. G.* Wahlkurs Politolinguistik. Fachrichtung Germanistik und DaF-Didaktik (für Studenten der höheren Studienjahre). Lipetsk, 2002.
- Katajewa 2008 — *Katajewa S. G.* Kurzes deutsch-russisches Wörterbuch politolinguistischer Begriffe. Lipetsk, 2008.
- Klaus 1971 — *Klaus G.* Sprache der Politik. Berlin, 1971.
- Klein 1989 — *Klein J.* Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik // Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / J. Klein (Hrsg.). Opladen, 1989. S. 3—50.
- Klein 1991 — *Klein J.* Kann man „Begriffe besetzen?“ Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik / F. Liedtke, M. Wengeler, K. Böke (Hrsg.). Opladen, 1991. S. 44—69.
- Klein 2005 — *Klein J.* „Grundwortschatz“ der Demokratie // Sprache in der Politik. Deutsch im demokratischen Staat. Duden Bd 6 / J. Kilian (Hrsg.). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2005. S. 128—140.
- Liedtke, Wengeler, Böke 1991 — *Liedtke F., Wengeler M., Böke K.* (Hrsg.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. Opladen, 1991.
- Wengeler 2003 — *Wengeler M.* Sprache in der Demokratie. Diskursgeschichtlich orientierte Anregungen für den Lernbereich „Reflexion über die Sprache“ // Der Deutschunterricht. Heft 2 (2003). S. 39—50.

Н. В. ГЕРАСИМЕНКО

(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург)

**АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ
И ШВЕЙЦАРИИ С ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ВАРИАТИВНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

При изучении и преподавании немецкого языка, его научном исследовании следует учитывать тот факт, что немецкий язык относится к числу плюрицентричных языков и представляет собой сложное образование, совокупность национальных разновидностей языка, реализующихся в отдельно взятом национальном центре или полуженетре. Это в полной мере относится и к языку права. И если полуженетренных национальных центров немецкого языка три — Германия, Австрия и Швейцария, можем ли мы взять на себя смелость предположить, что в немецком языке можно выделить три юридических дискурса, а точнее, три его национальных разновидности? На наш взгляд, изучение взаимодействия этих разновидностей юридического дискурса могло бы иметь практическую значимость как для немецкоязычных, так и для русскоязычных и германистов, и юристов. При выборе правовой области исследования мы остановились на конституционном праве, так как именно оно соединяет все отрасли национального права в единое, иерархически организованное целое. В качестве материала для изучения национальных разновидностей немецкого языка конституционного права нами были выбраны следующие источники: Федеральный конституционный закон Австрии от 1920 г. в редакции от 1929 г., Основной закон ФРГ от 1949 г. и от 2009 г. (после общего пересмотра), Союзная Конституция Швейцарской конфедерации от 1999 г. и Словарь вариантов немецкого языка, составленный под руководством У. Аммона и изданный в 2004 г.

Анализ дискурсивных практик конституционного права трех основных немецкоязычных стран позволил прийти к выводу, что встретившиеся нам национальные варианты можно разделить на две группы:

1. Те, которые можно отнести к явлениям, характерным для каждой отдельно взятой национальной разновидности не-

мецкого языка в целом, независимо от того, юридический это язык или нет.

2. Те, которые можно отнести к явлениям, характерным именно для каждой отдельно взятой национальной разновидности юридического дискурса, точнее, для дискурса конституционного права и обусловленным различиями в системах конституционного права, их становлении и развитии.

К первым относятся различия в орфографии (так, в Швейцарии не используется *ß*, напр. *die ausseordentliche Session* ‘специальное заседание парламента’), в грамматике (имеются расхождения в роде имен существительных — **der/das** *Gehalt A*, *das Gehalt CH*, *das Gehalt D* ‘заработная плата’), в словообразовании (наличие-отсутствие интерфикса *-es-* в сложных словах — *Gesetzentwurf A D*, *Gesetzesentwurf gemeindt.* ‘законопроект’) и т. д. (Зд. и далее в тексте используются след. сокращения: *A* — для австрицизмов, *D* — для тевтонизмов, *CH* — для гельветизмов, *gemeindt.* — общенемецкий.) В дополнение к последнему хотелось бы обратить внимание на то, что наличие-отсутствие интерфикса *-es-* в сложных словах может иметь даже смысловоразличительное значение, так, в швейцарской разновидности немецкого языка *Land-* в качестве определяющего слова имеет значение «относящийся к кантону», например *Landammann* ‘глава правительства кантона’, *Landrat* ‘парламент кантона’ и др., а *Landes-* — ‘относящийся ко всей Швейцарии’, например *Landeshymne* ‘гимн страны’, *Landesrecht* ‘совокупность правовых норм, имеющих юридическую силу на всей территории Швейцарии’. Незнание данного отличия может привести к недоразумениям между юристами данных стран. Немецкий юрист, прослушав *Landeshymne*, может решить, что это всего лишь гимн одного из кантонов, а текст ст. 31 Основного закона ФРГ: «*Bundesrecht bricht Landesrecht*» — для швейцарского юриста будет звучать как «масло масляное».

Ко вторым относятся, прежде всего, особенности швейцарской национальной разновидности немецкого языка конституционного права, обусловленные отличным от Германии и Австрии развитием конституционного права в Швейцарии.

Первым важным экстралингвистическим фактором, повлиявшим на немецкий язык конституционного права в Швейцарии, стало сильное воздействие французской политической системы на становление конституционной государственности в этой стране. Здесь долгое время не существовало какого-либо конституционного акта, отношения между кантонами регулировались договорами, и первая конституция была предоставлена кантонам французами, которые в 1798 г. вторглись в страну и оккупировали ее. Конституция 1798 г. была создана на основе конституции первой Французской республики, ее в 1803 г. сменил «Акт о медиации», дарованный Наполеоном Бонапартом. Эти документы повлияли и на последующие конституции 1848 и 1874 гг., и на систему конституционного права

в целом. Это имеет следствием наличие в швейцарской национальной разновидности немецкого языка большого количества терминов латинского происхождения, заимствованных из французского языка конституционного права. Ср. **Militärdienst CH** с **Kriegsdienst D** и **Wehrdienst A D** ‘военная служба’, **Gemeindeautonomie CH** с **das Recht auf Selbstverwaltung A D** ‘право на осуществление местного самоуправления’, **parlamentarische Kommission CH** с **Ausschuß A D** ‘парламентский комитет’, **nach dem Grundsatz des Proporz CH** с **Verhältniswahl A** ‘пропорциональная избирательная система’ и т. д. Здесь же можно привести в пример гельветизм **Referendum CH** в сравнении с **Volksentscheid D** и с **Volksabstimmung A**. Следует отметить, что лексическая единица **Referendum** функционирует и в немецкой, и в австрийской правовых системах, но стоит в словаре с пометкой *fachsprachlich* и является там специальным термином, тогда как в Швейцарии таких функционально-стилистических ограничений не существует.

С явлением референдума связан второй важный экстралингвистический фактор, повлиявший на конституционно-правовой дискурс в Швейцарии. Вследствие того, что федерация в Швейцарии развилась из конфедерации (ее официальное название на русском языке «Швейцарская конфедерация» — лишь дань исторической традиции и не отражает реального положения дел), для нее характерен прямой характер демократии, что выражается в исключительной роли референдума в законодательстве и в политической жизни страны. Сам по себе референдум как форма прямого волеизъявления граждан представлен в каждой из стран, но в Швейцарии он проводится гораздо чаще и на уровне федерации, и на уровне ее субъектов — кантонов, и на уровне органов местного самоуправления. Так, согласно данным сайта www.ch.ch/de/abstimmungen, в 2013 г. в Швейцарии было проведено четыре референдума на федеральном уровне и на кантональном уровне проводятся в среднем также четыре референдума в год. Этот факт приводит к «взрыву» гельветизмов в системе избирательного права. Согласно Словарю национальных вариантов немецкого языка, изданному под редакцией У. Аммона в 2004 г., только национальный вариант **Referendum**, входя в сочетание с другими частями речи или становясь частью сложных существительных, «тянет за собой» 13 гельветизмов. В качестве доказательства приводим следующую словарную статью:

Referendum CH *das; -s, ...den*: „politische Sachentscheidung durch Volksabstimmung“; ***fakultative Referendum** „Volksabstimmung, die nur durchgeführt wird, wenn eine genügende Zahl von Stimmbürgern oder Kantonen dies verlangen“; ***obligatorische Referendum** „Volksabstimmung über Verfassungs- und wichtige Gesetzesänderungen, die durch die Verfassung zwingend vorgeschrieben ist“; ***das Referendum ergreifen** „durch Sammlung von Unterschriften ein Abstimmungsverfahren in die Wege leiten“ — In A und D *fachsprachlich* — Dazu: **Behördenreferendum**, **Gesetzesreferendum**, **Referendumsabstimmung**, **Refe-**

rendumsbegehren, Referendumsdemokratie, Referendumsdrohung, Referendumskomitee, Referendumsrecht, Referendumsvorlage, Volksreferendum [Variantenwörterbuch 2004: 619]

Схожим образом ведет себя и лексема **Mehr CH** в противопоставлении к общенемецкой *Stimmenmehrheit* ‘большинство голосов’, результат — 11 гельветизмов: **absolute Mehr, qualifizierte Mehr, relative Mehr, abmehren, ausmehren, Gegenmehr, Handmehr, Ständemehr, Stimmenmehr, Volksmehr, Zweidrittelsmehr**. (Значение „Menge, um die ein bestimmtes Mass übertroffen wird“ является общенемецким.) [Variantenwörterbuch 2004: 496]

Появляется много синонимичных понятий:

- только для обозначения избирателя используется 4 лексемы: **der/die Stimmberechtigte, der/die Aktivbürger/ Aktivbürgerin, der/die Stimmbürger/Stimmbürgerin, der/die Stimmfähige(r)**, причем последняя имеет также значение неполного совершеннолетия;
- для обозначения избирательного корпуса — 3 лексемы: **Stimmbevölkerung, Schweizervolk, Stimmvolk**;
- избирательного права — 2: **Aktivbürgerrecht** и **Ehrenfähigkeit**;
- назначения выборов — также 2: **Abstimmungsdatum, Abstimmungstermin**.

Общенемецкие слова расширяют в языке избирательного права Швейцарии свое лексическое значение, приобретая дополнительные семы, так, например, глагол **stimmen** кроме общенемецкого „für/gegen etw./jmdn. stimmen“ приобрел значение „seine Stimme abgeben, abstimmen“, что повлекло за собой возникновение таких гельветизмов, как

Stimmberechtigung CH die; -, ohne Plur.: *Stimmrecht: Stimm- und Wahlrecht CH* „Berechtigung, an (politischen) Wahlen und Abstimmungen teilzunehmen“ — Die Bedeutung „Berechtigung zur Stimmabgabe“ ist gemeint [Variantenwörterbuch 2004: 759].

Stimmrecht: Stimm- und Wahlrecht CH: „Recht, an Volksabstimmungen und an periodischen Wahlen von Regierungs-, Parlaments-, Behördenmitgliedern und Richtern teilzunehmen“ — Das Substantiv *Stimmrecht* ist in allen anderen Verwendungen gemeint [Variantenwörterbuch 2004: 759—760].

Наряду со сложными словами в швейцарской национальной разновидности языка имеют место их более простые варианты: **Abstimmungslokal** и **Stimmlokal, Abstimmungsparole** и **Parole, Abstimmungsvorlage** и **Vorlage, Stimmrechtsausweis** и **Stimmausweis**. Упрощенные варианты активно входят в состав сложных слов, например:

Parole CH die; -, -en: kurz für *Abstimmungsparole* „unverbindliche Empfehlung (einer politischen Gruppierung), einer Abstimmungsvorlage zuzustimmen oder sie abzulehnen“ — Andere Bedeutungen sind gemeint. — Dazu: **Ja-Parole, Nein-Parole, Parolenfassung, Parolenspiegel** [Variantenwörterbuch 2004: 557].

Vorlage CH die; -, -n: kurz für Abstimmungsvorlage: „Kredit- oder Sachbeschluss, der in Form eines Gesetzestextes der Volksabstimmung unterliegt“ — Zur Annahme einer Vorlage sind Ständemehr und Volksmehr erforderlich. Andere Bedeutungen, z.B. kurz für Gesetzesvorlage, Regierungsvorlage, sind gemeindt. — Dazu: **Referendumsvorlage**, **Revisionsvorlage**, **Sachvorlage**, **Vernehmlassungsvorlage** [Variantenwörterbuch 2004: 849—850].

Приведенные примеры, на наш взгляд, позволяют сформулировать следующую закономерность в немецком языке конституционного права с точки зрения его национальной вариативности: какое-либо отличительное явление в правовой системе одной из стран влечет за собой возникновение национальных вариантов, при этом, если это явление играет важную роль в политической и правовой жизни общества, мы можем наблюдать в языке синонимию, полисемию, упрощение терминов, а также возникновение подтерминов, что приводит к увеличению количества вариантов, сгруппированных вокруг этого явления.

Помимо перечисленных выше явлений, характерных для швейцарского конституционно-правового дискурса, можно выделить также особенности, проявляющиеся во всех трех разновидностях. Прежде всего они связаны с различным устройством государственных органов (конкретные названия государственных органов называются по-разному, это характерно для всех стран). Проиллюстрируем это на примере следующей таблицы:

Основные понятия	Gemeindt. <i>Общемецкое соответствие</i>	A <i>(австрицизмы)</i>	D <i>(тевтонизмы)</i>	CH <i>(гельветизмы)</i>
Парламент	Parlament	—	—	Bundesversammlung, die
Нижняя палата парламента	Erste parlamentarische Kammer	Nationalrat, der	Bundestag, der	Nationalrat, der
Верхняя палата парламента	Zweite parlamentarische Kammer	Bundesrat, der	Bundesrat, der	Ständerat, der
Правительство	Die Regierung des Staates	Bundesregierung, die	Bundesregierung, die	Bundesrat, der

Кроме того, конституционная система иерархична, и лексическое обозначение государственных органов интересующих нас стран можно проследить на трех уровнях: I — названия федеральных государственных органов; II — названия органов субъектов федерации и III — названия органов местного самоуправления. При анализе национально обусловленной вариативности этих обозначений можно проследить следующую закономерность: чем ниже уровень, тем больше встречается национальных вариантов. Данную законо-

мерность можно показать наглядно на примере обозначения двух государственных органов «правительство» и «глава правительства» на всех трех уровнях, что отражено в следующей таблице:

Уровень	Австрия	Германия	Швейцария
I. правительство глава правительства	Bundesregierung Bundeskanzler	Bundesregierung Bundeskanzler	Bundesrat Bundespräsident
II. правительство глава правительства	Landesregierung Stadtsenat Landeshauptmann/frau	Landesregierung Senat Ministerpräsident	Regierungsrat Kantonsregierung Staatsrat Standeskommission Regierungspräsident Landammann
III. правительство глава правительства	Magistrat Gemeindeamt Stadtamt Bürgermeister	Gemeindeverwaltung Gemeindeamt Kommunalverwaltung Bürgermeisteramt Bürgermeister Oberbürgermeister Stadtoberhaupt	Gemeindeverwaltung Gemeindeammann Gemeindehauptmann Gemeindepräsident Ortsvorsteher Stadtammann Stadtpräsident

Таким образом, можно говорить о явлениях унификации и спецификации в немецком языке конституционного права. Чем выше уровень, тем ярче тенденция к унификации в обозначении государственных органов, чем ниже — тем четче прослеживается тенденция к спецификации. Сеем предположить, что данная закономерность характерна не только для конституционно-правового дискурса, но и для юридического дискурса в целом.

Хотелось бы обратить внимание на следующее явление. Язык конституционного права Германии, Австрии и Швейцарии, в принципе, оперирует одними и теми же простыми лексемами, но для него характерны сложные понятия, которые выражаются в немецком языке сложными существительными, и даже если обе составные части сложного существительного по отдельности являются общенемецкими, их конкретное сочетание — уже вариант, потому что в разных национальных центрах языка проблема сочетания решается по-разному. Так, в приведенных выше таблицах общенемецкие

der Rat, der Tag, das Amt, der Bund, der Präsident, der Meister, der Ort, die Stadt и т. д. для обозначения какого-либо государственного органа складываются в уникальные для конкретной национальной разновидности языка сочетания. Дальнейшее усложнение структуры слова путем присоединения еще одного элемента увеличивает количество вариантов в разы, например от австрицизма **Landesrat** ‘член правительства земли’ (в сравнении с Departementschef СН и Landesminister D) таким способом образуются еще 13 вариантов: **Agrarlandesrat, Altlandesrat, Finanzlandesrat, Kulturlandesrat, Gesundheitslandesrat, Sanitätslandesrat, Spitalslandesrat, Sportlandesrat, Tourismuslandesrat, Umweltlandesrat, Verkehrslandesrat, Wirtschaftslandesrat, Wohnbaulandesrat** [Variantenwörterbuch 2004: 456]. Это характерно не только для обозначений в системе государственных органов, но и в других областях, например слова die Wahl, die Pflicht, die Stimme, der Zwang являются общенемецкими, но чтобы выразить понятие «обязательность участия в выборах» австрийцы создали слово **die Wahlpflicht**, а швейцарцы — **der Stimmzwang**. В итоге мы имеем два варианта. Данный пример мог бы быть интересен и с точки зрения когнитивной лингвистики.

Что касается иерархичности конституционной системы, совершенно примечательна, мы считаем, лексема **Stimmbeteiligung** в значении „prozentuale Beteiligung der Stimmberechtigten an Volksabstimmungen und Wahlen“ (в связи с голосованием в союзах, профсоюзах, парламентах и т. д. она является общенемецкой), которая в Швейцарии используется при выборах и референдумах на федеральном уровне, уровне субъектов федерации и уровне местного самоуправления, в Австрии — только на федеральном уровне, а в Германии только при выборах на уровне субъектов федерации и изредка проводимых референдумах.

К слову, о когнитивной лингвистике: сравнительный анализ конституционно-правового дискурса трех стран может принести массу интересных наблюдений. Например, в статьях, гарантирующих различные права и свободы, субъект права (человек/гражданин) обозначается в Федеральном конституционном законе Австрии от 1920 г. как Person/Staatsbürger или Bundesbürger, в Основном законе ФРГ — Mensch/Deutsche, а в конституции Швейцарии — Person/Schweizerinnen und Schweizer или Schweizerbürgerin oder Schweizerbürger. Возможно, будет интересным добавить, что мовирование, т. е. образование имен женского рода от соответствующих наименований в форме мужского рода при помощи суффикса феминизации -in, проведено последовательно во всей Конституции Швейцарии 1999 г., данный способ словообразования применен к обозначениям и участников трудовых отношений (Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer, Arbeitgeberinnen und Arbeitgeber), и к профессиональным и должностным обозначениям (Richterinnen und Richter, Bundeskanzlerin oder Bundeskanzler, Präsidentin oder Präsident и

много других), чего нет в конституциях Германии и Австрии. В Федеральном Конституционном Законе Австрии мовированные формы наименований встречаются лишь два раза в статье о прохождении воинской службы, где употреблены лексемы *österreichische Staatsbürgerinnen* и *Soldatinnen*, а в Основном Законе ФРГ от 1949 г. данные формы не обнаружены и не были введены даже в результате его общего пересмотра в 2009 г. Данное явление может быть объяснено как и датами принятия данных основных законов (процесс феминизации профессиональных обозначений начался лишь в 70-х гг. 20 в.), так и длительной дискриминацией женщин в Швейцарской Конфедерации. Швейцария оказалась последней страной в Европе, признавшей избирательные права за женщинами (это произошло лишь в 1971 г.). Только в 1985 г. женщинам были предоставлены равные права в семье (до этого муж считался главой семьи, что позволяло ему односторонне распоряжаться семейными финансами и не разрешать жене работать). Последовательная гендеризация в наименовании лиц в Конституции Швейцарии 1999 г. может являться следствием позитивного изменения внутренней политики данной страны и доказательством успешности борьбы швейцарских женщин за свои права.

Нам кажется, что выявление закономерностей, тенденций, особенностей в юридическом дискурсе Германии, Австрии и Швейцарии представляет научный интерес, перспективно и имеет практическое значение для германистов и юристов; результаты анализа могут быть использованы при обучении немецкому языку в юридическом вузе, для составления словаря национальных вариантов немецкого языка права, в практике перевода специальных юридических текстов.

Литература

- Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999.
Bundesverfassungsgesetz Österreich / <http://www.wienerzeitung.at/link-map/recht/verfassung1.htm>
Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Stand: März 2009. Berlin: Deutscher Bundestag, 2009.
Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2004.

ZUSAMMENFASSUNG

**Analyse der diskursiven Praktiken
des Verfassungsrechts Deutschlands, Österreichs
und der Schweiz unter dem Aspekt der nationalen
Variation der deutschen Sprache**

In der Sprache des Verfassungsrechts Deutschlands, Österreichs und der Schweiz zeigen sich nationale Besonderheiten. Die vergleichende Analyse von Haupttermini des gegebenen Fachbereiches stellt bestimmte Gesetzmäßigkeiten in der Verteilung der nationalen Varianten fest, was von konkreten Beispielen veranschaulicht wird.

М. А. КУЛЬКОВА

(Казанский федеральный университет)

**ОПЫТ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА ЕДИНИЦ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ)**

Недавнее становление дискурсивного анализа как обособленной научной дисциплины объясняет отсутствие единого подхода к изучению дискурса [Кубрякова 2000: 8], [Кибрик 2003: 13]. В современной отечественной и зарубежной лингвистике дискурсивный исследования приобретают многовекторный характер и отличаются разнообразием применяемых методик исследования дискурсивных единиц. В настоящей статье представлены результаты фреймового анализа паремиологического дискурса на примере немецких народных примет.

Наличие паремиологического дискурса наряду с политическим, публицистическим, философским, научным и т. п. признается многими учеными (Н. Ф. Алефиренко, С. В. Сидорков, Е. И. Селиверстова и др.). Отмечая открытый характер дискурсивных знаний, репрезентированных в паремиях, Н. Ф. Алефиренко справедливо указывает на наличие в семантике паремий языковых и экстралингвистических знаний, связывая семантические процессы провербиальных образований с их этноязыковой синергетикой, создаваемой энергетическими потоками языковой и когнитивной семантики: «Синергетика провербиальных единиц создается слиянием двух предполагающих друг друга энергетических потоков: а) семантического (энергетики языковой семантики) и б) смыслового (энергетики когнитивной семантики). В ее эпицентре обычно находятся те провербиальные компоненты-когнитемы, которые обозначают а) бытовые реалии; б) компоненты-онимы; в) названия предметов и явлений духовной культуры, ритуалы, традиции; г) слова коннотативно-номинативного характера, характеризующиеся этнокультурной обусловленностью интенционала своих лексических значений» [Алефиренко 2008: 48].

По мнению С. В. Сидоркова, «в своей системной совокупности паремии образуют нечто вроде решетки или сети, фильтрующей информационный поток и улавливающей в нем релевантные, узнаваемые смысловые сгущения; в этом плане они выполняют дискурсивно-формообразующую функцию» [Сидорков 2003: 94].

Е. И. Селиверстова применяет понятие *паремиологического про-странства*, с помощью которого автор характеризует систему пословиц, связанных различными типами отношений и обнаруживающих общность и различия на ее разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом). При этом Е. И. Селиверстова отмечает наличие, с одной стороны, единиц «более дробных (общих формульных фрагментов, типичных паремийных компонентов, структурных моделей единиц) и, с другой, — более обобщенных, “надпословичных” (паремийных конденсатов)» [Селиверстова 2010: 5].

Все вышесказанное относится и к народным приметам, которые наряду с пословицами, поговорками, загадками и другими автономными языковыми образованиями клишированного типа образуют паремиологический дискурс, для которого, как и для других типов дискурса, характерны открытость, связность и цельность.

Под *народными приметами* (НП) мы понимаем устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, направленные на моделирование человеческого поведения, осуществляемого благодаря предсказательно-побудительным установкам приметы [Кулькова 2011: 54].

В то же время паремиологический дискурс обладает рядом отличительных черт, отражающих его уникальность и самобытность. Особенности паремиологического дискурса являются его *бессубъектность, безадресатность, клишированность и прецедентность*.

Так, в исследуемом паремиологическом дискурсе наблюдается отражение не субъективных мнений и оценок, а некой обобщенной точки зрения, основывающейся на усредненных представлениях членов конкретного этнокультурного социума об организации жизнедеятельности (ведении домашнего и сельского хозяйства, животноводства, поведения в ключевых жизненных ситуациях и т. д.). Таким образом, можно утверждать, что происходит «рассеивание» образа автора паремиологического высказывания на весь коллектив народа, что позволяет говорить о *коллективном авторстве народных примет*, о выражении национального характера в языковом оформлении паремий данного типа. В этом отношении нам близка точка зрения В. З. Демьянкова, согласно которому дискурс «создает общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [Демьянков 1982: 7].

Значимым для настоящего исследования представляется также мнение Е. С. Кубряковой, которая справедливо указывает на то, «что специфические черты “возможного мира” дискурса, действия и объекты в котором оцениваются и осмысляются по логике этого мира, подлежат восстановлению по языковым данным или же по ассоциациям с этими данными [Кубрякова 2004: 529]. По замечанию авто-

ра, исследование дискурса с позиций когнитивной лингвистики позволяет увидеть за определенным типом дискурса «особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности. Сигналами для подобного восстановления и служат определенные языковые формы или же, точнее, их система (ср., например, номинализации или же безличные формы высказываний и т. д.)» [Кубрякова 2000: 16—17].

Тем не менее, несмотря на бессубъектный характер паремиологического дискурса, на наш взгляд, нельзя полностью исключать наличие автора у народных примет. Мы полностью разделяем точку зрения Е. С. Кубряковой, согласно которой «каким бы анонимным ни казался текст, у него есть автор или авторы, а значит, текст отражает их речемыслительный акт» [Кубрякова 2004: 516].

Важной особенностью паремиологического дискурса является также клишированность. Как отмечает Л. М. Салмина, «клишированный дискурс, как правило, представляет собой единичный коммуникативный акт, в котором инициатор взаимодействия побуждает адресата к заведомо известной реакции, а реагент сигнализирует об адекватном восприятии стимула» [Салмина 2001: 28—29]. Клишированность в народных приметах обуславливается цикличным характером повторяющихся явлений, процессов в объективной действительности и связанных с ними действий человека.

По нашим представлениям, еще одним немаловажным свойством народных примет является их прецедентность, играющая важную роль при аккумуляции и ретрансляции этнокультурной информации, выступая в качестве определенного индикатора значимости национально-культурных традиций, разного рода занятий, исторических событий, деятельности отдельных личностей в жизни общества. Знание прецедентных феноменов, по мнению Ю. Н. Караулова, «есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [Караулов 1987: 216]. Согласно В. В. Красных, прецедентные феномены характеризуются «предсказуемостью» валентных связей с определенными событиями, явлениями и хранятся в сознании человека в виде фрейм-структур [Красных 1999]. Прецедентный феномен можно охарактеризовать как «хорошо известное всем представителям национально-лингво-культурного сообщества» явление, за которым всегда стоит «некое представление о нем..., или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» (см. [Красных 1999: 255—257]).

Исследуя «внешние масштабы» прецедентных феноменов, ученые различают социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсальные прецедентные феномены [Красных, Гудков 1997]. В этом отношении справедливо рассматривать народные приметы в качестве национально-прецедентных феноменов, участвующих в создании национально-когнитивной базы этнокультурного обще-